

Мы уходили последними из здания Московской консерватории. Следы усталости на лице моего спутника так понятны... Урок, который давал студентам вокального факультета профессор Евгений Евгеньевич Нестеренко, был долгим, продолжался семь часов. Что поделаешь, в его классе вдвое больше студентов, чем положено.

Занятия проходят в комнате, где, кроме рояля, стоят старинные кресла и диван с высокими спинками. Евгений Евгеньевич отрывается от непременной «разминки» голоса, которую он проводит с учеником, и обращается к слушателям, присутствующим на занятиях педагогам-вокалистам из Ленинградской и Белорусской консерваторий:

— Как быть? Студент склонен к повышению звука при пении. Никак не найду ключ, чтобы поправить дело. Может быть, у меня особое восприятие именно вашего голоса? — поворачивается он к юншине.

— Да я верю вам, Евгений Евгеньевич!

— Я не допускаю и мысли, что вы мне не верите!

Нестеренко считает, что о музыкальных вкусах молодежи надо спорить, и проблемы музыкального воспитания, как и вообще воспитания, надо ставить остро.

Порой, чтобы добиться красивого, сильного звучания голоса, вокалисту надо одолеть прежде всего психологический барьер. Мне довелось несколько раз слышать, как Евгений Евгеньевич объяснял начинающим певцам парадоксальную ситуацию: когда вокалист направляет звук «себе в уши», то он слышит его хорошо, но для публики он плох, «задушен». И, наоборот, звучание «полетное» певцу самому представляется плоским, жестким. «Не поглашайте звук, отдавайте его

слушателям, в искусстве надо быть щедрым!».

В искусстве надо быть щедрым! Уметь быть щедрым...

Выпускники вокального факультета Борис Бежко и Михаил Крутиков вышли на сцену смотра-конкурса в Красноярске сразу после бессонной ночи, проведенной в аэропорту, и сумели достойно представить Московскую консерваторию. На концерте в Таллине Саша Семенов, студент второго курса, пел с высокой температурой. Что тут сказалося — романтика служения искусству? Скорее, серьезная профессиональная выучка. Ведь самому маэстро, как привыкла его называть бессменный концертмейстер класса Е. Рыбчевская, приходилось петь на оперных сценах мира больным — с высокой температурой, со сложенной рукой. Маэстро прекрасно владеет таким капризным и сложным инструментом, как собственный голос.

«Показы» Нестеренко в классе всегда стремительны и точны, в них будто концентрируется стусок духовной энергии, знание жизни и человеческой психологии, мастерство артиста. На лицо певца, возможно, интереснее смотреть, когда он без грима, мгновенно преображался, становится Скупым рыцарем, сгорбившимся возле сундуков с золотом в подвале. Или бурным Алеко, сгорающим на костре любви к Земфире. Или

глупо ухмыляющимся толстым и самодовольным Фарлафом, у которого «сердце в брюхе». Только что на вас смотрели глаза-буравчики хитрого Кончака, и вдруг они темнеют, расширяются от ужаса и мучительной боли, и вы узнаете царя Бориса.

Думаю, нет и не будет ни одного ученика замечательного артиста, который в такие минуты не воскликнул бы: «Понял, понял». И он будет искать, находить, мучиться, воевать со штампами еще долгие годы.

В его советах ученикам повторяется настойчивый мотив: ближе к правде, к жизни. Иногда это представляется странным — опера ведь достаточно условный жанр... Но певец убеждает, что именно внимание к движению человеческого духа, умение быть живым, сегодняшним человеком на сцене поражают более всего оригинальностью.

Известны случаи, когда профессор отказывался продолжать работу с певцами, обладающими хорошими голосами, но разочаровавшими его в человеческом плане. Он беспощадно строг к нерадивым. Но может и необыкновенно поднять тех, кто ищет, кто много работает:

— Думаю, именно вы сумеете этот малоисполняемый роман сделать популярным.

Или:

— Вы имеете право на собственную интерпретацию на-

МАСТЕРА

родной песни, а я буду просто слушателем.

То, что народный артист СССР, лауреат Ленинской премии, солист Большого театра СССР уделяет столько времени и сил работе с молодежью, не только еще одна сторона его деятельности, — это высокое понимание творческого долга. И любовь!

...Сквозь распахнутые окна вливается влажный воздух, слышатся звуки музыки. В минуты отдыха Евгений Евгеньевич рассказывает своим ребятам, как в послеблокадном Ленинграде начали разводить цветы на площадях. Беда ожесточает нравы, и по ночам клумбы вытаскивали, обрывали. А утром приходили рабочие и с завидным терпением снова высаживали цветы. И люди привыкли к мысли, что цветы необходимы всем. Хрупкая красота должна была доказывать свою стойкость.

М. АЛЕКСАНДРОВА.

Фото В. АХЛОМОВА.